

Перспективы человека в интерпретации Фридриха Ницше

Илья Левяш,
главный научный
сотрудник
Института философии
НАН Беларуси,
доктор
философских наук

Если справедлив известный вердикт, что общество Модерна – это «незаконченный проект», то виной этому приговору являются, с одной стороны, убеждение фаустовского человека, что «мир не был до меня и создан мной» [1], а с другой – редукция человека к формуле Ламетри «человек-машина». Отсюда – грандиозная утопия воспроизводства акта творения уже не только мира, но и самого человека. Мудрое предостережение классика о невозможности столь дерзкого замысла известно. Когда Мефистофель обращается к Вагнеру: «А чем же занимаетесь вы тут?», сотрудник Фауста шепотом отвечает: «Создаем человека... Прежний жребий человека столь высок, что должен впредь иметь другой исток... С годами мозг мыслителя искусный мыслителя искусственно создаст». В итоге будет «кристаллизованный человек», и сбудется «мечта наук» [1]. И Гете заключает: «Ну что ж, дерзай, сверхчеловек!»

Идея сверхчеловека до сих пор будоражит просвещенные умы, и это понятно. Современный человек с любой точки зрения – экстенсивной или интенсивной – оказался в состоянии предапокалипсиса. Как отмечал С. Капица, его «пределы роста» предопределяются ограниченностью природных ресурсов, в частности, по расчетам ученого, возможностью прокормить на Земле не более 10–12 млрд человек [2]. Каждые 4–5 лет происходит удвоение информации.

Однако почему человек испытывает футурошок? Почему новые данные не трансформируются в Знание, а оно, в свою очередь, в Понимание мира и самого себя? Ведь доказан «резерв интеллекта» человека, и известно, что задействовано всего лишь 4–6% нейронов его мозга. Поучителен парадокс: ученые, искавшие руины индейского города в Аппалачах, рвались вперед, но проводники не спешили и на вопрос о причине такой медлительности ответили: «Наши души отстают».

И наши «души» фатально отстают, если мы делаем ставку на «кристаллизованного сверхчеловека». Сколь угодно сложный, он остается и пребудет проекцией человека – *социокультурного* существа не только со своей «душой», но и с практически немалым «резервом интеллекта».

Принципиально иной путь восхождения к такому человеку был указан одним из редчайших мыслителей и критиков европейского Модерна Фридриха Ницше. Недаром его назвали вторым Сократом, последователем (по его признанию) Достоевского. Ницше говорил: «...мое направление... продолжать творить не там, где пролегают *границы*, но там, где простирается *будущее* человека!» [3]. Характерно, что идея творческой жизни, не ведающей границ, идея *человека-моста* неизменно, от работы к работе мыслителя, адресуется не только ныне живущим, но и будущим поколениям. Они – не «тощие» абстракции. Ницше интересуется конкретный человек [4] – личность, и она определяется не по мерке повседневности, а в целом по шкале мира человека. Тот, кто измеряет себя ею, – «деятельная натура», которая «всегда избирает какое-либо счастье, если не свое собственное, то счастье целого народа или всего человечества» [3].

Мыслитель подбирал адекватное *именование* искомому им человеку. В таком ракурсе термины «сильный», «великий», «человек-мост» – это ступени его определения: «...все более лишать человека его общего характера... Не надлежит ли, напротив, каждому индивиду, благодаря своим индивидуальнейшим признакам, стать попыткой достижения более высокого вида, чем человек?» [3].

Так возник универсалистский ницшеанский концепт *сверхчеловека*, и он вначале был понят неадекватно. В «Автобиографии» Ницше писал: «Слово «сверхчеловек»... в противоположность «современным» людям, «добрым» людям, христианам и другим нигилистам – слово,

которое в устах Заратустры... вызывало на многие размышления, – почти всюду было понято... как ценность, противоположная тем, которые были представлены в образе Заратустры: я хочу сказать, как «идеалистический» тип высшей породы людей, как «полусвятой», «полугений»... Другой ученый рогатый скот заподозрил меня из-за него в дарвинизме» [5].

Что же представляет собой *подлинный* ницшеанский «сверхчеловек»? Философ стремился «показать людям смысл их бытия... Жизнь должна постоянно преодолевать самое себя. Жизнь хочет созидать себя в вышину столбами и ступеньками... ей нужна высота. И потому, что ей нужна высота, она нуждается в ступенях и в противоречии ступеней... Жизнь хочет восходить и, восходя, преодолевать себя» [5].

Такое напряженное состояние – не данность, а *задача*. Вовсе не обязательно, подобно Прометею, становиться богом, чтобы обрести качества сверхчеловека. У него есть и свои предтечи на земле. Для Ницше «всякое восхождение типа «человек» на высшую ступень развития было до сих пор, как будет и впредь, делом рук аристократического общества, привыкшего верить в нерушимость длинной людской иерархической лестницы, в различную ценность различных людей» [5].

Такова исходная и фундаментальная характеристика Ницше подлинного человека, или «сверхчеловека», как новой – не социальной, а *культуротворческой* – аристократии. В сущности это «аристократия чувства, вкуса, нравов, одним словом, аристократия в самом высоком значении слова» [5]. Она на новых скрижалях начертает слово «благородно». А вот «признаки благородства: никогда не задаваться тем, чтобы низвести наши обязанности на степень обязанностей каждого; не желать передать кому-либо свою ответственность или поделиться ею; считать свои

привилегии и пользование ими принадлежащими к разряду своих обязанностей... Аскетизм и пуританизм почти необходимые средства воспитания и облагораживания» [5].

Ницше вдохновлял фонарь Диогена, поиск «человека, который был бы способен на внутреннее самопогружение» [5]. Демистифицированный, не замутненный непониманием или тенденциозностью, ницшеанский сверхчеловек, его «воля к власти» прежде всего над самим собой и в меру этого – над миром, – это творческая способность преодолеть в себе «недочеловека» – европейского обывателя, и в этом смысле встать «по ту сторону человеческого, слишком человеческого».

Смысл концепта «сверхчеловека» Ницше явно не «дольный», а «горный». Это идеал подлинного человека как субъекта культуры. В нем решительно нет той запретности, которую ему упорно приписывает досужее сознание, или арийской претенциозной воли к внешней власти, которая и дискредитировала это понятие. Г. Маркузе обратил внимание на то, что в книге «Так говорил Заратустра» «воля – так называется освободитель и вестник радости... А теперь научитесь: сама воля еще пленница» [6].

«Воля к власти» является лишь антиподом ницшеанского гуманизма, хотя его автор иной раз, в силу нередко эпатирующей лексики, и давал поводы для упреков в новом издании «войны всех против всех». «Война», по Ницше, – это идейное ристалище: «Иное дело – война... Равенство перед врагом есть первое условие честной дуэли. Где презирают, там нельзя вести войны; где повелевают, где видят нечто ниже себя, там не должно быть войны» [5]. В таком противоборстве нет места животным страстям, и воля «господствует над вождением, указывая ему меру и путь его» [4]. «Современный человек есть *мост*, но не к некой конечной цели, а «от вершины к вершине» [5].

Суть человека-моста – в его способности к *деятельной любви*. В потоке жизни сверхчеловек совершает «великое возвращение» к своей человеческой сути. Ницше-Заратустра ясно говорил: «Я люблю того, кто работает и убеждается, что он строит жилище сверхчеловеку» [5].

Это «вечное возвращение», своеобразная «религия вечности», философия непрерывного *становления*, творческой реконструкции традиции, «кольца колец». Такое кольцо обручает с подлинной жизнью тех, для кого «будет достигнута возможная сама по себе *мощь и красота* типа человек», его неисчерпаемость «для величайших возможностей», а чтобы добиться такого состояния, понадобится «новая партия жизни, которая возьмет в свои руки величайшую из всех задач, более высокое воспитание человечества» [5].

Как видим, ницшеанский концепт сверхчеловека находится в явной оппозиции к аристократическому «дерзающему» сверхчеловеку персонажа Гете. Своей апелляцией к «каждому индивиду» и вместе с тем универсалистским императивом он является очевидным синонимом семантически новаторского смыслотермина «*всечеловек*» Ф. Достоевского [7]. Такая мудрая философия и стратегия жизни – это подлинная гуманистическая альтернатива для современной культуры и цивилизации. ■

Литература

1. Гете И.В. Собрание сочинений. Т. 2. – М., 1976.
2. Капица С.П. Историческое время, информация, демографическая революция и будущее человечества // Общественные науки и современность. 2006, №4. С. 140.
3. Ницше Ф. Сочинения. Т. 1. – М., 1998.
4. Ницше Ф. Воля к власти. – М., 1994.
5. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. – М., 1990.
6. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2002.
7. Левяш И.Я. У истоков идентичности. Универсализм contra партикуляризм. – Мн., 2013. С. 418–443.